

ФОРМИРОВАНИЕ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ. ИСТОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

FORMING OF SMALL ENTERPRISES AND MANAGEMENT PRACTICES IN UZBEKISTAN. HISTORY AND EVOLUTION

Хайдаров Нодир Уткурович, старший преподаватель кафедры «Финансы и кредит», Филиал Российского Экономического Университета имени Г.В. Плеханова, Ташкент, Узбекистан

Khaydarov Nodir Utkurovich, senior lecturer, Department of Finance and Credit, Branch of Russian Economical University named after G.V. Plekhanov, Tashkent, Uzbekistan

Аннотация. В статье приводятся предпосылки формирования малых предприятий в Узбекистане и практики их управления на основе анализа эволюционных процессов. Автор пытается дать причины становления текущей системы менеджмента на этих предприятиях, которые складываются из привычного способа управления, истории и развития малых предприятий, функции традиционных узбекских учреждений.

Abstract. The article presents the preconditions for the forming small enterprises in Uzbekistan and management practices based on an analysis of evolutionary processes. The author tries to analyse the reasons of current status of running these enterprises, which mainly arise from habitual way of management, history and evolution of small enterprises, function of traditional Uzbek institutions.

Ключевые слова: малые и средние предприятия в Узбекистане, практика управления, эволюция, исторические предпосылки.

Keywords: small and medium enterprises in Uzbekistan, management practices, evolution, historical preconditions.

Малые и средние предприятия (МСП) играют все более важную роль в качестве двигателей экономического роста и занятости в Узбекистане. Нынешнее правительство Узбекистана признает, что экономическая политика и инициативы по поддержке сектора МСП являются ключевым приоритетом для страны, и в течение последних нескольких лет непрерывно предпринимает шаги по улучшению условий для развития МСП.

Роль государства в развитии экономики заключается в обеспечении справедливой и конкурентной среды. До недавнего времени контроль узбекского правительства считался довольно жестким, и существующие правила и нормы сдерживали инновации и гибкость на рынках, что затрудняло радикальные изменения в экономике. Из-за постоянных ограничений узбекским МСП приходилось быть более активными в инициировании изменений, чтобы выжить.

Неадекватность экономической политики Узбекистана заключалась, прежде всего, в следующем. Чрезмерный акцент на авторитарной власти препятствовал развитию основ капитализма. Например, несмотря на явную массовую склонность к предпринимательской деятельности, в 1996 году на малых предприятиях было занято менее 240 000 человек (всего 2,8 процента от общей рабочей силы) [1]. Ситуация не улучшилась сильно и в последующие периоды. Такое недостаточное развитие малых и средних предприятий привело к усилению монополизации, ухудшению конкурентной среды и замедлению прогресса в формировании национального класса собственников. В Узбекистане монополии контролировали не только производство наиболее важных категорий товаров, но также распределение и торговлю. Все это, в свою очередь, вело к снижению эффективности производства, снижению способности реагировать на изменения рыночных условий, падению конкурентоспособности на мировых рынках и росту масштабов «теневой экономики».

Важно помнить, что ни одно правительство не нейтрально, когда речь заходит о политике в области занятости, поскольку целью большинства правительств является защита благосостояния работников при одновременном получении большей экономической выгоды. Таким образом, более важно видеть, приносит ли существующая государственная политика в целом пользу и улучшает благосостояние сотрудников и помогает в решении существующих проблем управления [2].

В данной статье мы попытаемся проанализировать, почему узбекские представители малого и среднего бизнеса были настолько равнодушны и терпимы к тому, чтобы правительство не всегда разумно вмешивалось в деятельность их бизнеса. На наш взгляд, причина этого в основном проистекает из привычного способа управления, истории и развития малых предприятий, функции традиционных узбекских учреждений. Все эти факторы, независимо от того, описываются ли они как культура, климат или менталитет, – это тот контекст, который мешал узбекским МСП создавать возможности предпринимательства, обучения и самообновления.

Прежде чем мы углубимся в историю и детали относительно внутренних характеристик обычного узбекского менеджмента и изменений, необходимых для узбекских МСП, давайте сначала рассмотрим традиционный узбекский институт – махаллю. В нем отражаются и разъясняются некоторые отношения между представителями малого и среднего бизнеса и государственными органами.

Будучи сообществом соседей, махалля определяет весь спектр социальных отношений человека в повседневной жизни. Махалля является реальной социальной группой, которая налагает определенные обязательства на своих членов и таким образом вовлекает их в сеть взаимных обязанностей. Помимо зависимости от личной помощи соседей, семья может рассчитывать на институциональную поддержку махалли в целом. Махалля предоставляет широкий спектр предметов, таких как столы, скамейки и посуда, в распоряжение любого члена сообщества, когда они им нужны. При необходимости чайный домик (Чойхона) можно использовать для различных общественных мероприятий. Многие услуги доступны в самой махалле.

В обмен на поддержку и услуги, которые махалля предоставляет отдельным лицам и их семьям, она требует полной лояльности с их стороны. Участие во всех общественных мероприятиях, в том числе, например, уборка улиц, помощь в строительстве Чойхоны является обязательным. Ожидается, что каждый человек будет оказывать свои услуги махалле в зависимости от того, что он может предложить. Быть исключенным из общественной жизни означает потерять поддержку других людей. Находиться в одиночестве перед лицом чрезвычайных обстоятельств – самая большая угроза. Выражение «на случай, если что-то случится» часто используется, когда люди объясняют свою лояльность родственникам или соседству.

«Поскольку махалля становится одной из основных малых административных единиц, через которые управляет государство, социальные связи могут распознаваться соответственно» [3]. Как видно, отношения между махаллей и ее членами очень похожи на отношения между государственными органами и представителями МСП, что было также отмечено некоторыми исследователями данной проблемы. Давайте посмотрим: «Альянсы МСП с государственными чиновниками в Узбекистане могут принимать различные формы. Ряд предпринимателей имеют неофициальные связи с правительством и государственными предприятиями, которые гарантировали привилегированный доступ к ресурсам, приватизированному оборудованию, кредитам и т. д. В обмен предприниматели предлагали свои личные автомобили для служебного пользования, предоставляли жилье и зарплаты футбольной команде или оказывали другие услуги» [4].

В данной статье мы не пытаемся кого-то критиковать, и тем более судить. Цель этого исследования – дать анализ истоков сложившейся ситуации. Это даст возможность понять нынешнее состояние дел в развитии сектора МСП и позволит выявить вектор дальнейших изысканий в этом направлении. И далее мы постараемся проанализировать эволюцию

развития МСП на определенном отрезке времени.

В следующих подразделах исторический анализ будет в основном сфокусирован на тех аспектах, которые связаны с темой исследования: развитие управленческих практик и предпринимательства.

Традиционное узбекское общество.

Двумя наиболее отличительными характеристиками культуры древнего региона были: 1) способность людей быстро впитывать изменения и адаптироваться к новой среде; 2) огромное разнообразие населения. Расположенная на пересечении основных трансевразийских маршрутов, Центральная Азия была точкой соприкосновения, столкновения и в разной степени слияния народов, языков, философий, технологических и управленческих инноваций. Предки узбеков вели оседлый образ жизни как земледельцы, торговцы и ремесленники.

Несмотря на значительные различия в деталях социальной организации, некоторые особенности были общими для Центральной Азии в целом. Базовая социальная структура представляла собой тесно сплетенную пирамиду, сформированную из иерархически ранжированных уровней власти, связанных между собой цепочками взаимно признанной лояльности и ответственности. Ядром была патриархальная семья, состоящая из старшего мужчины и его ближайших иждивенцев, которые проживали в кочевых общинах в одной местности, в оседлых районах в замкнутом дворе.

В Центральной Азии была развита культура торговли и ремесла. Исторические исследования показывают, что в оседлых сообществах были различные типы ассоциаций. Это, вероятно, включало городских ремесленников мужского пола и мастеров, которые работали в гильдиях самоуправления и саморегулирования. Наряду с техническими и организационными аспектами их ремесел, у всех групп, как представляется, было сильное чувство общинной идентичности, поддерживаемое такими связующими механизмами, как полурелигиозные ритуалы и верования; особенно важным было празднование культовых практик, связанных с покровителем гильдии или ремесла, фигурой, которая может быть исламской или доисламской, заслуживаемой местными обычаями или почитаемой во всем мусульманском мире [5].

Предсоветское русское господство.

Было мало социального взаимодействия между поселенцами и коренным населением в Центральной Азии. Тем не менее российское господство не могло не оказать влияния. Были некоторые области, в которых это имело фундаментальное значение. Первым был психологический эффект от смены места власти. В правящую иерархию были добавлены два новых уровня: генерал-губернатор России и высший «Великий белый царь» в Санкт-Петербурге. Это было не просто административное изменение, но вопрос престижа для предыдущих местных властей. Второе направление было экономическим, результатом переоснащения и последующего подчинения местной экономики потребностям российской экономики. Характерной чертой был огромный рост производства хлопка. Это разрушило традиционный сельскохозяйственный баланс и заложило основы монокультуры советского периода. Большая часть этого первоначального расширения была профинансирована за счет кредитов, предоставленных российскими бизнесменами местным крестьянам, которые затем оказались втянутыми в долговую зависимость. Связанное с этим развитие событий заключалось в строительстве Транскаспийской железнодорожной линии, соединяющей Центральную Азию с Россией, что облегчало экспорт хлопка-сырца, но также стимулировало импорт дешевых промышленных товаров; трудоемкие, «несовершенные» ремесла Центральной Азии не могли конкурировать с глянцево-однородностью серийно выпускаемых заводских товаров и вскоре утратили свои позиции на рынке [6]. Другим изменением стало появление нового класса предпринимателей, своеобразного промежуточного звена между местной и российской торговлей.

Следующей областью, в которой российское присутствие произвело большое влияние, была социокультурная с реальностью совсем другого образа жизни. «К 1917 году

на юге насчитывалось около 750 000 русских, что составляло около 10% от общей численности населения региона» [7]. Это сопровождалось внедрением современной науки и техники. Это также принесло другую трудовую этику, со своими собственными нормами эффективности, пунктуальности и сообразительности.

Советский период.

В середине 1920-х годов, после того как большевики установили контроль над Центральной Азией, новый режим приступил к осуществлению программы радикальных преобразований, призванных «помочь рабочим массам нерусских народов догнать Россию» [8]. Результатом этой кампании стало то, что в течение примерно трех десятилетий произошло резкое повышение уровня грамотности, улучшение стандартов здравоохранения и питания, электрификация практически всего региона, активизация индустриализации, создание исправных сетей связи и транспорта, диверсификация занятости, культурный обмен, создание современных государственных институтов и современной бюрократии.

На первый взгляд, у Советского государства и традиционных центрально-азиатских государственных образований было мало общего. Однако более тщательное изучение показывает, что между лозунгами и институциональным аппаратом между ними были очевидные сходные черты. К ним относятся: дихотомия между централизацией и фактическим административно-территориальным делегированием власти; персонализированный характер лояльности, примат идеологии, которая узаконила режимы и сделала их неподотчетными своим гражданам; исключительный, непрозрачный характер правительства; акцент на сообщество, а не на человека; формальный акцент на социальную справедливость; и толкование права собственности как управления, поэтому временное, а не абсолютное право.

С точки зрения управления человеческими ресурсами, вообще говоря, эта функция в советских организациях рассматривалась в первую очередь как административная служба, и в ее деятельности решительно подчеркивались бюрократические процедуры найма, распределения заработной платы и премий, назначения на обучение, сбор различных обязанностей, распределение пенсий и других пособий. Это не означает, что управление человеческими ресурсами не выполняло свои традиционные функции найма, обучения, оценки работы, компенсации и трудоустройства. Возможно, оно только этим и ограничивалось.

Постсоветская эпоха.

«Узбекистан сформировался благодаря опыту доминирования и искаженного развития советской сверхдержавой, что привело к последующим трудностям в переходе к свободной рыночной экономике и негативным последствиям для здоровья экономических и социальных изменений» [9].

Таблица 1

Черты эффективного лидера (в этом списке показаны атрибуты в порядке наивысшего приоритета – числа, заключенные в скобки, ориентировочно предполагают порядок ранжирования черт совершенного лидера в идеальную эпоху)

1.	Решительный, определенный	(8)
2.	Харизматичный, объединяющий	(5)
3.	С сильным характером и телосложением	(9)
4.	Опытный, практичный	(7)
5.	Коммуникативный, убедительный	(4)
6.	Выходец из региона	(10)
7.	Интеллектуальный, изобретательный	(2)
8.	Терпеливый, терпимый	(6)
9.	Честный, откровенный	(1)
10	Начитанный, с широким кругозором, любознательный	(3)

Источник: Эдвард Оллворт, «Центральная Азия: голод современного лидерства» [10]

Распад Советского Союза полностью изменил перевод власти. Лидеры новых независимых центральноазиатских государств восстановили административную центральность и взяли контроль в свои руки. По сравнению с доколониальным прошлым, осуществление власти теперь, безусловно, было изменено современными институтами управления, а также под влиянием международных организаций. На практике, однако, лидеры обладали полномочиями, которые эквивалентны абсолютным.

Сегодняшние лидеры, как и в прошлом, имеют очень прямой, личный контроль над всеми государственными делами, от самых тривиальных вопросов внутренней политики до важнейших международных проблем. Более того, несмотря на разделение институциональных функций и полномочий, ответственные старшие должностные лица выбираются президентами, как правило, из числа своих собственных сетей иждивенцев и знакомых.

Таким образом, профиль эффективного, хотя и не обязательно идеального лидера начала 1990-х годов в Центральной Азии выглядел примерно так же, как в приведенной таблице 1.

Однако, новый экономический климат способствовал появлению предпринимательского класса, в основном в сфере услуг и торговле. Также начинают вновь появляться маленькие сообщества ремесленников. Но огромные прибыли, которые могут быть получены в растущем частном секторе, привлекают наиболее способных и энергичных членов общества, создавая настоящую утечку мозгов из академических и правительственных кругов. Более того, слабая административная инфраструктура открыла путь к росту преступности. В результате мафия стала одновременно частным правоохранительным органом и значительной политической силой со связями по всему СНГ и, возможно, даже за рубежом.

К концу 1980-х годов предпринимательство стало незаменимой и растущей отраслью советской плановой экономики в тех секторах, где правительство было не в состоянии функционировать нормально, таких как распределение товаров и услуг с учетом местного спроса. Новые предприятия выросли из мелкой торговли, местных услуг, ремесел, строительства и трудоемкого сельского хозяйства. Сильнейшими предпринимателями частного сектора часто были те, кто имел опыт кооперативного и частного бизнеса в советский период, когда они могли накапливать личные активы, приобретать знания о рынках по всему бывшему Советскому Союзу и создавать деловые сети.

Итак, мы постарались упомянуть некоторые предпосылки формирования малых и средних предприятий в Узбекистане. В условиях меняющейся обстановки и постоянного воздействия новых технологий управления из развитых стран, проблема для этих МСП теперь заключается в том, что они были в состоянии сбросить лишний багаж прошлых лет, и начать усваивать и внедрять новые идеи.

Фактически, в традиционной узбекской компании некогда выгодные характеристики в прошлом, такие как беспрекословное подчинение, уступка контролю, ограниченность в принятии собственных решений и сильная уступчивость перед правовым регулированием, теперь стали коррозийными характеристиками из-за того, что не отвечают нынешним требованиям времени.

В изменяющейся глобальной среде конкуренция все в большей степени основывается на интеллекте и знаниях. Конкурентное преимущество больше не в однородности, соответствии и материальных ценностях, а в человеческом творчестве, индивидуальной инициативе и инновациях. При правильном мышлении узбекские МСП могут применять подходящие методы, основанные на современном менеджменте, применять его в контексте своего общества и формировать новый узбекский способ управления своими предприятиями.

Библиографический список

1. Исамиддинова Д., Сиражиддинов Н. Условия функционирования малых

предприятий в постсоветских странах (на примере Узбекистана и России) / Экономическое обозрение (Ташкент). Январь 1998 . с. 48

2. The Human Equation, by Jeffrey Pfeffer, HARVARD BS PRESS, 1998, chapter 9

3. Census and identity : the politics of race, ethnicity, and language in national censuses / edited by David I. Kertzer and Dominique Arel. Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2002, David Abramson: Identity counts : the Soviet legacy and the census in Uzbekistan, p. 193

4. When things fall apart: qualitative studies of poverty in the former Soviet Union / edited by Nora Dudwick, Washington, DC : World Bank, 2003, Elizabeth Gomart – “Standing on a knife's edge : doing business in Uzbekistan”, pp. 95-111

5. Z. Jasiewicz, “Professional Beliefs and Rituals among Craftsmen in Central Asia: Genetic and Functional Interpretation,” in S.Akiner, ed., Cultural Change and Continuity in Central Asia, London, 1991, pp. 171-180.

6. Ella Christie, “Through Khiva to Golden Samarkand», London, 1925, p. 17

7. Фомченко А., Русские поселения в Туркестанском крае, Ташкент, 1983, сс. 71-78

8. Сталин И., Марксизм и национальный вопрос, ОГИЗ, 1939, сс. 267-270

9. Diseases of globalization : socioeconomic transitions and health / Christine McMurray and Roy Smith. London ; Sterling, VA : Earthscan Publications, 2001, p. 54

10. Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview, редакторы: Edward A. Allworth, Edward Allworth, Duke University Press, 1994, p.598

Bibliography

1. Isamiddinova D., Sirazhiddinov N. Uslovija funkcionirovanija malyh predpriyatij v postsovetskih stranah (na primere Uzbekistana i Rossii) / Jekonomicheskoe obozrenie (Tashkent). Janvar' 1998 . s. 48

2. The Human Equation, by Jeffrey Pfeffer, HARVARD BS PRESS, 1998, chapter 9

3. Census and identity : the politics of race, ethnicity, and language in national censuses / edited by David I. Kertzer and Dominique Arel. Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2002, David Abramson: Identity counts : the Soviet legacy and the census in Uzbekistan, p. 193

4. When things fall apart: qualitative studies of poverty in the former Soviet Union / edited by Nora Dudwick, Washington, DC : World Bank, 2003, Elizabeth Gomart – “Standing on a knife's edge : doing business in Uzbekistan”, pp. 95-111

5. Z. Jasiewicz, “Professional Beliefs and Rituals among Craftsmen in Central Asia: Genetic and Functional Interpretation,” in S.Akiner, ed., Cultural Change and Continuity in Central Asia, London, 1991, pp. 171-180.

6. Ella Christie, “Through Khiva to Golden Samarkand», London, 1925, p. 17

7. Fomchenko A., Russkie poselenija v Turkestanskom krae, Tashkent, 1983, ss. 71-78

8. Stalin I., Marksizm i nacional'nyj vopros, OGIZ, 1939, ss. 267-270

9. Diseases of globalization : socioeconomic transitions and health / Christine McMurray and Roy Smith. London ; Sterling, VA : Earthscan Publications, 2001, p. 54

10. Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview, redaktory: Edward A. Allworth, Edward Allworth, Duke University Press, 1994, r.598

Сведения об авторе

Хайдаров Нодир Уткурович, старший преподаватель кафедры «Финансы и кредит», Ташкентский Филиал Российского Экономического Университета имени Г.В. Плеханова, nkhaydarov@yahoo.com, тел. +998903485633

Author's personal details

Khaydarov Nodir Utkurovich, senior lecturer, Department of Finance and Credit, Branch of Russian Economical University named after G.V. Plekhanov, Tashkent, Uzbekistan, nkhaydarov@yahoo.com, tel. +998903485633